

УДК: 821.161.1.09-1

Е.П. ЛЮЦЕНКО В РЕЦЕПТИВНОЙ ИСТОРИИ «РАЗДЕЛА ЗЕМЛИ» («DIE TEILUNG DER ERDE») Ф. ШИЛЛЕРА

Ю.Г. Тарасова

Саратовский государственный университет
E-mail: grunaughen@mail.ru

В статье осмысляются факты истории русской переводческой рецепции стихотворения Ф. Шиллера «Раздел земли» («Die Teilung der Erde») с 1805 г. по 2008 г. Девять русских переводов, относящихся к разным периодам истории русской литературы, последовательно сопоставляются с оригиналом, выявляются литературные традиции эпохи создания и этапов переводческой мысли в России. Особое внимание уделяется переводу Е.П. Люценко как первому русскому переводу данного стихотворения.

Ключевые слова: Шиллер, «Раздел земли», поэтический перевод, Люценко, Жуковский, Струговщиков, Алмазов, Зотов, Тимофеев, Фофанов, Гинзбург, Штемпель.

E.P. Lyutsenko in Receptive History of «Division of Land» («Die Teilung der Erde») by F. Shiller

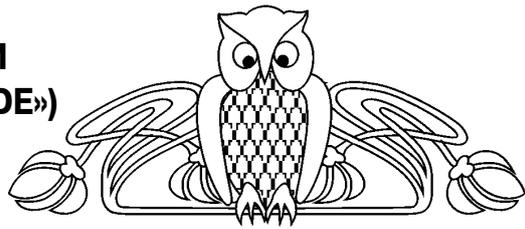
Yu. G. Tarasova

In this article reveals the facts of the history of Russian translational perception of F. Shiller's poem "Land Division" («Die Teilung der Erde») from 1805 to 2008. Nine Russian translations from different periods of Russian literature are successively compared to the original; literary traditions of the epoch of the translation and the stages of the Russian translation theory are disclosed. Particular attention is dedicated to the translation made by E.P. Lyutsenko as to the first Russian translator of this poem.

Key words: Shiller, "Division of Land", poetic translation, Lyutsenko, Jukovskiy, Strugovschikov, Almazov, Zotov, Timofeyev, Fofanov, Ginzburg, Shtempel.

Русская рецептивная история стихотворения Фридриха Шиллера «Раздел земли» («Die Teilung der Erde», 1795) началась в 1805 г. и продолжается до настоящего времени. На русский язык стихотворение было переведено более 15 раз. В этом отношении переводческая судьба «Раздела земли» в России сходна с судьбой других стихотворений немецкого поэта: «Ведь зачастую переводы стихов были, – как замечает О.А. Смолян, – своеобразным, личным и индивидуальным толкованием Шиллера. Переводчики не доносили всего текста, а тем более подтекста подлинника, не раскрывали всего его смысла и значения. В каждом случае переводчик оттенял тот смысл оригинала, который был ему ближе, подчеркивал те мысли подлинника, которые его больше волновали. Поэтому так часто перевод становился самостоятельным стихотворением на заданную Шиллером тему»¹.

В «Собрании сочинений Шиллера в переводах русских писателей», изданном Н.В. Гербелем в

1863 г., в примечаниях указывается библиографическое описание семи переводов «Раздела земли» (В. Жуковский, А. Мейснер, А. Струговщиков, И. Крешев, Н. Гербель, В. Зотов, Б. Алмазов). В «Собрании сочинений Шиллера в переводе русских писателей» под редакцией С.А. Венгерова (1901) в комментарии находим оценку стихотворения самим автором и Гете, библиографическое описание и краткие характеристики русских переводов. Круг вышеперечисленных переводчиков расширен именами Всеволода Соловьева, К. Тимофеева, Н. Б. кого², Н. Голованова, К. Фофанова. В издании «Стихотворения» Шиллера (1936) публикуется перевод А. Кочеткова. Автора перевода в «Собрании сочинений» Шиллера под общей редакцией Ф.П. Шиллера (1937) Гинзбург называет безымянным поэтом³, так как его имя остается неизвестным (однако не исключено, что им является Н. Б. кий или Н. Голованов, так как их переводы оказались нам не доступны). В 1952 г. появляется перевод Л. Гинзбурга, в 2008 – В. Штемпеля. Редактор «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич, предваряя перевод «Раздела земли», выполненный Всеволодом Соловьевым, пишет: «Этому стихотворению Шиллера особенно посчастливилось в нашей литературе: оно имело до 1859 г. семь переводов; из них старейший принадлежит Жуковскому»⁴. Н.К. Михайловский в статье «О Шиллере и о многом другом» (1876) уверенно называет восемь переводов, также начиная их отсчет с опыта Жуковского. Однако ошибочно вести русскую историю «Раздела земли» с Жуковского. Первым переводчиком этого стихотворения является Е.П. Люценко («Журнал для пользы и удовольствия», 1805), оставшийся не упомянутым ни Гербелем, ни Стасюлевичем, ни Михайловским, ни Венгеровым. Первенство Люценко отмечает лишь Р.Ю. Данилевский в статье о забытом литераторе, помещенной в «Словаре русских писателей XVIII века»⁵.

Обращение Ефима Петровича Люценко (1776–1854) в 1805 г. к этому тексту Шиллера не случайно. Во-первых, стихотворение посвящено судьбе поэта, а 1805 г. – год смерти немецкого романтика. Во-вторых, лирика Люценко 1805 г. (сочинения опубликованы в «Журнале для пользы и удовольствия» А.А. Варенцова) главным образом философская, какова и жанровая природа «Раздела земли»; в стихотворениях «Энтузиазм» и «Поэт» поднимается тема поэта и поэзии. В-третьих, в «Журнале для пользы и удовольствия» перевод,

напечатанный в 9-м номере третьей части, выступает как поэтическое заключение ряда опубликованных в предыдущих номерах журнала переводных статей Люценко, посвященных социально-политическому устройству общества («Краткое известие о жизни и творениях Гильома Томаса Рейналя», «Холостая жизнь» (Ч. 1, № 2), «Краткое историческое описание правлений некоторых государств» (Ч. 1, № 3), «О начале обществ», «Политика» (Ч. 2, № 6)). С опыта Люценко мы и начнем обзор русских переводческих интерпретаций стихотворения Шиллера. Последовательно сопоставим с оригиналом труды Ефима Петровича Люценко (1805), Василия Андреевича Жуковского (1812)⁶, Александра Николаевича Струговщикова (1841), Бориса Николаевича Алмазова (1852)⁷, Владимира Рафаиловича Зотова (1854), Константина Акимовича Тимофеева (1875)⁸, Константина Михайловича Фофанова (1901), Льва Владимировича Гинзбурга (1952) и Виталия Райнгольдовича Штемпель (2008). В процессе анализа попытаемся выявить поэтическую структуру каждого текста, отражение в произведениях авторского мировоззрения, литературных традиций эпохи создания и этапов переводческой мысли в России⁹. При этом методологически важным для нас является предостережение Р.Ю. Данилевского от односторонности компаративистского подхода при исследовании взаимодействия литератур, в частности русской литературы и текстов Шиллера: «Изучение восприятия творчества Шиллера в России не должно сводиться к описанию переводов. Важнее исследовать русское прочтение шиллеровских произведений, проникновение его идей и образов в сознание русских читателей разных эпох и разных общественных групп <...>. При такой постановке вопроса сами особенности русской литературы выступят рельефно и своеобразно русского восприятия Шиллера раскроется как проявление национальных черт русской литературы»¹⁰.

«Раздел земли», наряду с некоторыми другими стихотворениями¹¹, примыкает к трактату Шиллера «Письма об эстетическом воспитании» (1793–1794). Перед читателем предстает картина зарождения социального неравенства, формирования сословий и раскрывается тема одиночества поэта, его высокого предназначения и бескорыстия. Шиллер, отправляя в письме к Гете стихотворения «Раздел земли» и «Мудрецы», осознает силу и актуальность первого: «“Раздел земли” Вы вполне могли бы прочитать во Франкфурте из окна, выходящего на Цейле¹², где самая почва приурочена к этому. Если эта вещь позабавит Вас, прочтите ее герцогу»¹³. Вскоре в ответном письме Гете высоко оценит произведение: «Вещь просто превосходная: правдиво, метко и утешительно»¹⁴. Н.Н. Вильмонт относит «Раздел земли» к вершинам философской лирики Шиллера, «где сила пластического языка сообщает абстракции вес и блеск неподдельного “золота поэзии”»¹⁵.

Восхищен поэтическим творением и Л. Гинзбург: «Дивные стихи! Гуманные. Сочетание “высокого” и “низкого”, простой разговорной интонации и торжественной приподнятости»¹⁶.

Стихотворение Шиллера состоит из восьми строк. Каждая строфа – катрен. Данную структуру сохраняют Тимофеев, Фофанов, Гинзбург, Штемпель. У Люценко длинные шиллеровские строки разбиваются на более короткие, и четверостишие преобразуется в шестистишие. Р.Ю. Данилевский отмечает, что Люценко, изменив метр и строфику Шиллера, сделал стихотворение «тусклым и монотонным»¹⁷. У Жуковского нет деления на строфы. Это обусловлено тем, что его перевод не является самостоятельным произведением, а становится «преданием», своеобразной вставной новеллой в послании «К Батюшкову». Перевод Струговщикова и Зотова уменьшается на одну строфу, Алмазова – увеличивается. Однако деление на строфы и их количество в данном произведении композиционно и интонационно важно. Штемпель очень верно замечает: «Стихотворение как бы поделено на четыре, гармонично связанные между собой, части. Это первое четверостишие, в котором изложено обращение Бога к людям. Далее – три четверостишия – повествовательная часть, заключающаяся появлением поэта. Следующие три четверостишия – эмоциональное обращение поэта к Богу и его диалог с ним. И далее – заключительное четверостишие, в котором Бог как бы подводит итог их разговору и даёт согласие разделить с ним собственное жильё, то есть де-факто признаёт в поэте себе равного»¹⁸. Если кольцевая композиция неизбежно сохраняется во всех переводах, то изменение строфики показывает, какая мысль оригинала наиболее значима для переводчика, а какая менее.

В романе-эссе «Разбилось лишь сердце мое...» в главе «Встречи с Шиллером» Гинзбург вспоминает, каким мучительным, долгим был перевод первой строфы «Раздела земли» и дает оценку некоторым ее переводам: «Это было моим первым приобщением к немецкой поэтической классике, и я тщательно готовился к ответственному делу. Однако первое же четверостишие показало мою полнейшую беспомощность <...>.

“Nehmt hin die Welt!” соблазнительно укладывалось в русское: “Возьмите мир!” Правда, оставалось еще семь слогов, в которые нужно было вместить остальную часть строки: “воскликнул Зевс со своих высот”.

Получалось что-то вроде этого:

“Возьмите мир!” – Зевс с высот воскликнул...

Но тут-то и начались мучения. Строка очень плоха, отвратителен мертво-архаичный “Зевс” вместо “Зевс”, да и “воскликнул” ни с чем не зарифмуешь. Стал перестраивать:

“Возьмите мир!” – Зевс как-то молвил людям...

Тоже очень плохо, тем более что “людям” неизбежно потянет за собой “будем”, которое в данном случае никак с текстом не вяжется.

Часами сидел я над злополучным четверостишием в непреодолимом унынии <...>.

Вопреки добрым советам и предостережениям, я не устоял перед соблазном и в библиотеке отыскал все ранее существовавшие переводы этого стихотворения <...> перевод Фофанова <...> это не Шиллер. Людям, странах, “далеких – широких” <...>.

В “Русской беседе” за 1841 год – перевод А. Струговщикова. Тот отказался от рифмы. Да и слова вялые.

Начитавшись старых переводов, я вновь принялся за работу, но теперь к прежним трудностям прибавилась еще одна. Неотвязно преследовали меня чужие строки, чужие решения <...>.

В полном отчаянии снова и снова вчитывался я в немецкий, непробиваемый текст... Потом самый текст стал как бы отбрасывать, представлять себе картину, восстанавливая происшествие <...>.

Зевс у Шиллера – не далекое, холодное божество, а веселый хозяин вселенной, щедро раздавающий людям свои богатства:

Nehmt hin die Welt!

Эти слова он, очевидно, сопровождает широким жестом – берите землю, забирайте!.. Что, что? Конечно же не “берите”, а “забирайте”. Как я этого раньше не заметил! Ведь Шиллер пишет не просто: “Nehmt die Welt” (берите, возьмите мир), а “Nehmt hin”, что придает выражению особый оттенок щедрости, широты, великодушия <...>.

Благодаря одному верно угаданному слову определилась интонация всего стихотворения¹⁹.

Вживание в переводимые образы, неоспоримость интонационной важности первых строк подчеркивает и Штемпель: «Для меня самое трудное – проникновение во внутренний мир стихотворения. Прежде чем я сажусь за перевод, оно должно полностью мной овладеть. Переводчик просто обязан сыграть все роли оригинала, пройти все его коллизии и не допустить при этом фальши <...>. Я испытал долгие муки, прежде чем нашёл начальные строки перевода <<Раздела земли>. – Ю.Т.>. Именно они дают общий настрой стихотворению. С них начинается и идентификация оригинала»²⁰.

Выделим наиболее интересные моменты разночтений и сходства переводческих решений.

В первой строфе фразу *von seinen Höhen* (со своих высот) Люценко заменяет на *Олимп*, что соответствует широко распространенным в русской литературе начала XIX в. античным образам, мотивам, сюжетам. Этот факт объясняет и то, что у Жуковского Зевс именуется опосредованно – *преемник древний Крона*; высоты Жуковский обозначает в соответствии с романтической традицией – горный трон (трон как символ высшей власти). Алмазов высоты сопровождает эпитетом *заоблачные*, который становится лейтмотивом стихотворения (небесная гармония, неземное блаженство) и который выявляет скрытое в подтексте противопоставление небесного и земного

бытия, мира мечты, благородства и материальной наживы. Перевод Зотова – *с небес* – обусловлен, вероятно, легкостью рифмовки с архаичным *Зевес*. Тимофеев верен оригиналу. Фофанов не элементарно дословен, но семантически точен (*с высот далеких*). Струговщиков, Гинзбург и Штемпель опускают данную фразу.

У Люценко античные образы смешиваются с библейскими, к которым он неоднократно обращается при переложении псалмов, в стихотворениях философско-медитативного характера. Так, строки «Свет – мое творенье <...>. Для вас я все сие создал»²¹ адресуют читателей к Ветхому Завету, а не к греческой мифологии: Зевс является рожденным древними стихиями, в отличие от Бога – Творца всех стихий. В переводе Струговщикова дар Зевса уточняется: «Возьмите землю <...> / Я отдаю сокровища земная»²². В результате дальнейшая образно-повествовательная система стихотворения создает впечатление прозаической наготы²³, несвойственной ритмическому строю оригинала: *нужды житейские, завидныя сокровища земли, верное благо*. У Зотова дар отца богов приобретает космический масштаб: на раздел отдана *Вселенная*. Однако это звучит алогично, так как и у Шиллера, и в дальнейшем у Зотова речь идет о земном пространстве. Отметим также нарушение логики и последовательности движения сюжета в последней строфе перевода Зотова: страдательный залог конструкции «die Welt ist weggegeben»²⁴ (мир отдан) заменен на действительный «Я роздал людям все»²⁵, хотя раздел совершается людьми. Если у Зотова космическая лексема кажется нелогичной, то у Штемпеля, нашего современника, актуальной, даже имманентной, – учитывая современный технический прогресс, активное освоение космоса человеком. «Отныне вам принадлежит планета, – Зевс объявил»²⁶. Планета – слово, придающее тексту современное звучание и помещающее человечество в определенную точку космического пространства.

Большинство переводчиков сохраняет номинацию *люди*. Зотов заменяет ее на *смертные*, при этом появляется не только противостояние небесного и земного, но и тема бессмертия поэта, так как в третьей и четвертой строфах поэт противопоставляется смертным («Откуда-то является поэт, / Но смертные об нем совсем забыли», «Ужель толпа земная / Меня забыла с множеством глупцов»²⁷). Следует отметить, что для перевода Зотова характерна статичность образов (Зевс дважды называется отцом богов, а все, что с ним связано – благим, люди – смертными), типичная для русской поэзии 1840–1850-х годов²⁸. Однако в стихотворении Шиллера картина раздела очень динамична, а образы пестры и пластичны. Постоянное движение подчеркивают как глагольные конструкции (*eilt* – спешит, *es regte sich geschäftig* – суетливо движется, *griff* – схватил, *warf sich hin* – бросился наземь), так и смена самих образов. Так,

номинация *Menschen* (люди) звучит лишь в первой строфе, в последующих строфах люди именуется опосредовано: «анатомически описательно» (*was Hände hat* – что имеет руки), по возрасту (*Jung und Alt* – молодость и старость), по роду деятельности (см. ниже). Неизменными остаются фигуры Зевса и поэта, таким образом, божественное и поэтическое выступают как равнозначные. Из рассматриваемых переводов шиллеровская динамика и пластичность сохраняется у Люценко, Тимофеева, Гинзбурга и Штемпеля.

Различные акценты имеет перевод выражения *teilt brüderlich* (разделите по-братски). Люценко, Зотов, Фофанов, Штемпель передают мысль оригинала – по-братски разделить, то есть разделить поровну, по-честному. Зевс Жуковского восклицает лишь «Делитесь!», проявляя доверие к людям. В переводе Струговщикова олимпиец завещает делиться не только как братьям, но и как друзьям. Единство братства и дружбы по-прежнему распространено в лирике 40-х гг. XIX в. (как сохранение литературно-эстетической позиции предшествующего периода²⁹ и как отражение быта эпохи – кружок Н.В. Станкевича, М.В. Петрашевского). У Алмазова каждый должен взять себе по доле и владеть ей из рода в род. Патриархальное «закрепление» отражает славянофильскую позицию писателя. У Тимофеева раздел также должен закрепиться из рода в род, в общем контексте его перевода с этой фразой вводится мотив социальных сословий, кастовости. Заметим, что в оригинале есть потенциал для подобного перевода: во второй и третьей строфах данного стихотворения ярко проявляется характерная для всего творчества Шиллера социальная активность, а лексемы *das Erbe* (наследство) и *das Lehen* (лен, ленное поместье, феодал) подразумевают передачу имущества из поколения в поколение. У Гинзбурга перевод «как братья стали жить»³⁰ несет сему «дружно», «одной семьей», что, с одной стороны, вторит лучшей составляющей советской идеологии – интернационализму, а с другой – становится реминисценцией к шиллеровской «Оде к радости», к строке «Alle Menschen werden Brüder»³¹ (все люди станут братьями).

Во второй и третьей строфах перед читателем непосредственно предстает раздел земли, в котором отражается процесс зарождения государства, и имущество захватывают представители основных социальных классов и институтов власти: трудящиеся – земледелец (*der Ackermann*), высший, привилегированный класс – помещик (*der Junker*), средний класс – торговец (*der Kaufmann*), духовенство – аббат (*der Abt*), центральная власть – король (*der König*). Аббат изображен в просветительской традиции осмеяния духовенства, стремящегося к наживе и склонного к пьянству. Сатирический выпад в его сторону усиливает сочетание *edeln Firnewein* (а не одно слово «Wein») – живительное, старой выдержки вино, то есть самое лучшее, самое дорогое. В переводе Люценко картина раздела

мирная, идиллическая, выражающая мечту о золотом веке: каждый оказывается на своем месте, при своем деле. Ритм, словоформы создают впечатлительные спокойной подготовки к работе каждого героя (*наполнил дом товару, редкостей набрал, надел тиару*; приставка «на» словно указывает на начало действия). Сема труда передается и в переводе лексических единиц: юнкер – охотник, а не праздничный помещик. Социальные роли названы также в соответствии со стилистикой XVIII века (пахарь – *оратай*), с античной традицией (аббат – *смиранный жрец*), с русификацией (король – *Царь*). Образу священнослужителя Люценко придает положительную коннотацию: живительное вино заменено на тиару, а сам жрец наделен смирением, при этом эпитет *смиранный* соотносится с поэтикой предромантизма и романтизма, и в переводе Жуковского он сопровождает образ земледельца – *смиранный земледелец*. Люценко вводит нового героя, отсутствующего у Шиллера, а также у других переводчиков, – философа (*философ редкостей набрал*). Философ – одна из ключевых фигур просветительской и сентименталистской литературы, в соответствии с образно-стилистической системой которой Люценко создает немало своих произведений («Три дни философа Симонида», «Граф Штруензе» и др.). Жуковский именуется «пайщиков» в духе романтической традиции (люди – как пчелы, шумящие по лугам, добры чада, аббат – пастырь душ, Зевс – царь земли и ада). Шиллеровский антиклерикальный мотив «*Der Abt wählt sich den edeln Firnewein*»³² (аббат выбирает себе старой выдержки живительное вино) у него также заменяется романтической идеализацией: появляется фигура арендаря, интересующегося материальными благами, а священнослужитель избирает духовную ниву («Взял откуп арендарь, А пастырь душ – алтарь / И силу над умами»³³). В трактовке Жуковского *могуществом* наделены владельцы, однако люди не должны забывать и про своего божественную власть («Будь каждый при своем / (Рек царь земли и ада); Вы сейте, добры чада; / Мне жертвуйте плодом»³⁴). Струговщикова не отражает социальной направленности стихотворения Шиллера – у него нет ни одной социальной категории. Алмазов и Зотов, думается, намеренно, как защитники позиции «искусства для искусства», сглаживают напряженную социологизированность Шиллера. Алмазов отказывается от обозначения каких бы то ни было общественных классов, заменяя их на неопределенно-личное местоимение *кто* («Кто села взял, кто злчные долины, / Кто выс гор»³⁵), при этом профессоры заменяются на элементы пейзажа, в котором угадывается русская природа (*степь, болота и стремнины*). Зотов опускает третью строфу и упоминает только типичных для поэзии охотника и оратая (обратим внимание на высокий стиль этого слова). Лучший перевод второй и третьей строфы, на наш взгляд, принадлежит Тимофееву: передана и идея хищного захвата (*вмиг забрал,*

набил, на годы многи, загородил), и сохранена смысловая наполненность образов: «Der Junker birschte durch den Wald»³⁶ (юнкер стал охотиться в лесу) – «В лесах запорскал»³⁷ дворянин <...>. Аббат подсел к заветному вину»³⁸.

Лишь поэт, вернувшийся издалека, единственный из всех оказывается забытым при разделе («der Poet, er kam aus weiter Fern» // <...> soll <...> allein von allen / Vergessen sein»³⁹). В седьмой строфе находим объяснение героем причины его безучастности в разделе. Лик божества, исходящий от него свет, гармония небес опьяняют поэта, земные дела теряют для него смысл («Angesichte <...> Himmels Harmonie <...> dem Geiste, der, von deinem Lichte, / Berauscht, das Irdische verlor!»⁴⁰). У Люценко весь образный строй седьмой строфы направлен на восхваление всевышнего. Так, дважды звучит сема света (*в твоём сиянье, блеск лучей твоих*). Кроме того, божество становится источником неизмеримых чудес и мечтаний! Мечта выступает не только как синоним поэтического полета, вдохновения, но и как образ собственного творчества: поэт и лирический герой у Люценко часто выступают мечтателями. Так, например, в «Послании к другу. По возвращении из деревни» лирический герой (поэт!), описывая свою жизнь, говорит: «Мечтам невольно посвящаю / Течение минут своих»⁴¹. Мечта соотносится с поэтикой предромантизма, характерной для творчества Люценко. А.Н. Пашкуров пишет: «Люценко фокусирует внимание на более камерной теме предромантизма – одним из первых русских поэтов **обращаясь к изысканному гимну Её Величеству Мечте**»⁴²:

Мечтами сердца наслаждаться,
Мечтами насыщать мечту...

– вот желаемая золотая грёза погруженного в мир Тишины лирического “я”»⁴³.

Интересно, что Жуковский не употребляет в своем переводе слово «мечта» и однооконные ему⁴⁴, несмотря на то, что предание обращено к Батюшкову, который назвал мечту своей богиней («Мечта») и для которого образ мечтателя стал центральным. Выражение Жуковского *страна воображенья* семантически равно оригинальному *Land der Träume* (страна мечтаний), но звучит «по-жуковски», имманентно его творчеству: для поэтического словаря Жуковского характерны лексемы с абстрактным значением, оканчивающиеся на –ение/ –иние / –ание⁴⁵. В соответствии с образно-стилевым строем лирики Жуковского поэт именуется *певцом* (ср. «Певец», «Певец во стане русских воинов», «Золова арфа» и др.). Романтический максимализм проявляется в щедрости Зевса. Он спрашивает у поэта: «Согласен ли со мной / Делиться небесами?»⁴⁶, что подразумевает поэта как хозяина неба, в то время как у Шиллера небесное остается за богом («Willst du in meinem Himmel mit mir leben»⁴⁷ – Ты хочешь жить со мной в моих небесах). У Жуковского находим не столько равенство божественного и поэтического,

сколько преемственность, так как диалог поэта и Зевса выстраивается как диалог сына и отца (*отец – мой сын*). В переводе Тимофеева гармонично (по два) распределены эпитеты, характеризующие божество (*пресветлый образ, небесный хор*) и поэта (*чуткое ухо, смущенный дух*), словно предвещающая равенство, совместное бытие поэта и Зевса, о которых пойдет речь в восьмой строфе. Сема равенства заложена в оригинале посредством симметричной, зеркальной расстановки притяжательных местоимений, чему точно следует Гинзбург: «Mein Auge hing an deinem Angesichte, / An deines Himmels Harmonie mein Ohr»⁴⁸ – «Мой взор твоим пленился светлым ликом, / К твоим словам мой слух прикован был»⁴⁹.

О работе над последними строфами Штемпель пишет: «Диалог “поэт – Бог” и заключительные строки стихотворения потребовали от меня не просто наивысшего напряжения, но и породили во мне некую иллюзию сотворчества с великим поэтом»⁵⁰. Действительно, интонация последних строф меняется: слышна торжественность голосов поэта и Зевса, словно заговорила сама поэзия; современные лексемы уходят на второй план, уступая место словам высокого стиля (*таков, отвечивал, абрис, зрил, почитал, дух питал, воскликнул, свидетель бытия*).

В целом каждый из переводов можно охарактеризовать следующим образом.

Перевод Люценко наиболее архаичный по лексике (*сие / сих, взор, изрек*) и по окончанию словоформ (*братской раздел, бедной человек, малой и большой <...> схватился каждой, дом товару, всякой при своем*). Р.Ю. Данилевский характеризует перевод Люценко так: «Содержание стихов сохранено почти во всех деталях <...>. Образ поэта-гения, созерцающего божество и далекого от земных дел, был воспринят переводчиком как идеал автора. Такое истолкование смысла шиллеровской поэзии намечалось еще у Карамзина и в тургеневском кружке, к нему приближались Бенитцкий и Востоков»⁵¹. Перевод Люценко отражает сложный синтез различных культурных, литературных пластов: античность, Библия, Просветительство, предромантизм.

Текст Жуковского представляет романтическую традицию перевода и относится к первому периоду⁵² его переводческой деятельности, отличающейся наибольшей вольностью. Это не самостоятельное произведение, а вставная новелла в послании «К Батюшкову», являющемся поэтическим ответом на «Мои пенаты», что влечет к возникновению диалогического подтекста: ярче проявлен контраст *земное – небесное*. Е.Г. Эткинд отмечал: «Перевод Жуковского всегда расходится с подлинником в целом, а не просто в отдельных частностях; он является *художественной системой*»⁵³, и вся эта система как таковая не совпадает с художественной системой оригинала»⁵⁴. Быстрый, хищный раздел земли Шиллера под пером Жуковского смягчается, превращаясь в романтическую

идиллию. Предание включается в общую систему доказательств развивающейся в послании мысли, что нет судьбы блаженнее судьбы поэта.

В энциклопедических изданиях⁵⁵ Струговщиков характеризуется как продолжатель переводческих традиций Жуковского, а его переводы снижали себе славу классических для своего времени. Однако «Раздел» не следует относить к их числу. Отсутствие рифмы, непеременимой, на наш взгляд, для данного произведения, (ведь идейный центр – образ и судьба поэта, его поэтический взгляд на раздел), отсутствие ярких образов (прежде всего, галереи социальных персонажей) делает стихотворение прозаичным, далеким от оригинала. Заметим, что сборник, в который вошел рассматриваемый нами текст, назывался «Стихотворения Александра Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера», именно стихотворения как результат собственного, оригинального творчества, а не следования букве подлинника. В предисловии к данному изданию Струговщиков говорит о своем переводческом подходе: «Убеждение, что для произведений лирической поэзии переводов не существует, примиряло меня с чувством ответственности перед лицом гениев, избранных мною в руководители. Здесь, забывая и отбрасывая иногда подробности, я был напуган одним из главнейших впечатлений подлинника: так иногда воспоминания действуют на душу сильнее самых явлений»⁵⁶. Под главнейшим впечатлением подлинника, думается, подразумевается идея сочинения. Верность идее оригинала – главное требование к переводам 40-х гг. XIX в., когда и выходит переложение Струговщикова.

Обращение Зотова и Алмазова в начале 1850-х гг. к «Разделу земли» Шиллера закономерно. Б.Я. Бухштаб, характеризуя литературную ситуацию этого периода, отмечает, что поэтам «в большей или меньшей степени <...> свойственна поза певца, спокойно вещающего размеренные и мудрые слова и величественно наслаждающегося прекрасным в отрешении от убогой повседневной жизни»⁵⁷. Яркие социальные мотивы оригинала будущими сторонниками «чистого искусства» затушевываются. В переложении Алмазова – члена «молодой редакции» «Москвитянина» – центральным становится образ поэта: появляются элементы портрета героя, отсутствующие в оригинале (*грустный взор, glavой поник на грудь в печали*), оценка им своего бытия, строящаяся на антитезе («под небом всем привольно, / Всем место есть, никто здесь не чужой. / Лишь я один всему чужой, бездомный, / Скипальцем жить навеки осужден»⁵⁸).

Перевод Тимофеева приобретает яркую социальную окрашенность, передает напряженное переживание возникшего неравенства и людской алчности. Порочная жадность человека проходит лейтмотивом через все стихотворение (*рука владельца, хозяйская рука, барыш*).

Для перевода Фофанова характерен буквализм (*кто имеет руки, охота, рынок*), архаич-

ность (*Зевес / Зевесов, нивы туки*), анахронистическая для языка начала XX века. Эти недостатки – отражение отмечаемой исследователями общей тенденции снижения уровня переводческой культуры в конце XIX – начале XX века. Вместо шиллеровской динамики, звонкости, оптимизма находим декадентский пессимизм, настроение обреченности. Уныние поэта (*горе мне*) усугубляется его мыслью, что неравный раздел предрешен свыше («Я обделен судьбою / Один из всех»⁵⁹). Появляется мотив смирения, характерный для христианской культуры, а вместе с ним четкая дифференциация божественного и мирского: поэт не может жить в небесах, а лишь может быть гостем («Но ты Мой гость желаемый отныне»⁶⁰). Библийский подтекст Фофанова также вторит настроениям литературы декаданса и символизма, который начинает проникать в лирику поэта с 1900-х годов⁶¹.

Перевод Гинзбурга, в отличие от предшествующих, не переложение, он передает не только идею оригинала, но и язык, выделяется интонационным единообразием, шиллеровским лаконизмом и сдержанностью. Гинзбург писал: «Всего лишь одно словцо – отделяемая приставка „hin“ – определило тогда интонацию стихотворения, судьбу перевода, а может быть, и всю мою дальнейшую переводческую судьбу. Я понял, что, из какого бы „сора“ переводное стихотворение ни росло, вначале все равно должно стоять слово подлинника»⁶².

Перевод Штемпеля отличается насыщенностью текста современными лексемами, оборотами: *предстоит, кинулись, свое забрать, в итоге, налоги, бедняга, чем был занят*. Выражение «ждать не станет / Никто тебя – таков закон земной»⁶³ звучит как перифраз широко употребляемой в настоящее время поговорки «кто не успел, тот опоздал». Штемпель обращается к переводам таких немецких классиков, как Г. Лессинг, И. Гердер, И. Гете, Г. Гейне, Б. Брехт, Р. Рильке, Т. Фонтане, К. Тухольский, при этом стремится избежать академичности и сделать классику понятной читателю XXI века. Современность языка его перевода – сознательный прием, переводческий принцип: «Актуализация переводов – это нормальный процесс, напрямую связанный с развитием языка, а также и самого стихосложения. При этом каждый из переводов, конечно же, имеет право на жизнь и дело читателя выбирать»⁶⁴.

Выявленные сходства позволяют определить «смысловые центры» стихотворения Шиллера, а различия вторят мировоззрению переводчика и особенностям эпохи создания произведения.

Опыт Люценко следует «вернуть» в историю переводческой рецепции «Раздела земли», и не только потому что это первый перевод данного стихотворения на русский язык. Сочинение Люценко – факт истории русской литературы, который помогает выявить особенности литературной эпохи начала 1800-х гг.: гармоничное сочетание

просветительской философии, сентименталистской идилличности и предромантических образов в переводе Люценко отражает сложный процесс обновления эстетики и поэтики русской литературы на рубеже XVIII – XIX веков. Кроме того, Люценко один из первых открывает русскому читателю нового Шиллера, Шиллера-поэта, а не широко известного Шиллера-драматурга. К драматургии немецкого романтика Люценко обратится лишь спустя пять лет, в 1810 г., и трагедия «Мария Стюарт» станет единственным драматургическим опытом Люценко. Переводы забытого литератора обширны и многогранны. Они охватывают различные тематические сферы: собственно литературную (переводы произведений изящной словесности различных жанров), образовательную (переводы грамматик и составление на их основе собственных), сельскохозяйственную, политическую. При этом переведенные сочинения – не разрозненные «одиночки», они либо тематически связаны друг с другом, либо соотносятся с оригинальным творчеством писателя. «Раздел земли» примыкает к ряду переводных статей с социально-политической проблематикой, имманентен собственному творчеству Люценко в 1805 г. и служит еще одним проявлением консервативности писателя: строгое определение деятельности человека в соответствии с его социальным статусом, представленное в переводе Люценко, можно выразить «формулой» «каждому свое». Она открыто или «подводным течением» представлена во многих сочинениях Люценко и, как правило, сопровождается весомой аргументацией.

Примечания

- 1 Смолян О.А. Первые переводы и постановки Шиллера в России // Фридрих Шиллер: статьи и материалы. М., 1966. С. 41.
- 2 Возможно, это псевдоним Н.Л. Белинского.
- 3 См.: Гинзбург Л. Встречи с Шиллером // Гинзбург Л. Избранное. М., 1985. С. 389.
- 4 Ред. [примеч.] // Вестник Европы. 1874. Кн. 10. С. 803.
- 5 См.: Данилевский Р.Ю. Люценко Ефим Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. С. 251. У Данилевского также находим краткую характеристику перевода Люценко, см.: Данилевский Р.Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния: из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 68.
- 6 Перевод Жуковского следует отнести к 1812 г. А.С. Архангельский в примечании к посланию «К Батюшкову», составной частью которого является перевод, отмечает: «Напеч. в “В. Евр.” 1813 г., № 9-10, с пометкой при заглавии: “В мае 1812”. В изд. 1849 г. отнесено к 1810 году; в более ранних помечено 1811 годом <...>. Послание было ответом со стороны Жуковского на стихотворение Батюшкова: *Мои Пенаты*, которое было написано во второй пол. 1811 г., но получено Жуков-

- ским лишь в апреле 1812 года». См.: Архангельский А.С. К Батюшкову [примеч.] // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. I. С. 110.
- 7 1852 г. указывается нами в соответствии с данными «Сочинений Б.Н. Алмазова: В 3 т.» (Т. I. М., 1892). Н.В. Гербель и С.А. Венгеров хронологически ставят Алмазова после Зотова по более поздней публикации первого (Развлечение. 1859. Т. 1, № 8).
- 8 1875 г., а также 1841 г. – у Струговщикова, 1854 г. – у Зотова – даты публикации переводов.
- 9 Теоретическая основа статьи: Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1958. С. 25–80; Левин Ю.Д. Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы: Сб. ст. М.; Л., 1963. С. 5–63.
- 10 Данилевский Р.Ю. Шиллер в русской лирике 1820–1830-х годов // Русская литература. 1976. № 4. С. 139.
- 11 «Поэзия жизни», «Власть песни» («Власть песнопения»), «Танец», «Девушка с чужбины».
- 12 Улица во Франкфурте <...>. Невеселая шутка Шиллера связана с тем, что родному городу Гете угрожал захват французскими войсками с неизбежными реквизициями и выплатами контрибуции. См.: Бабанов И.Е. Комментарий // И.-В. Гете, Ф. Шиллер. Переписка: В 2 т. М., 1988. Т. I. С. 492.
- 13 Шиллер – Гете, [Иена], 16 октября 1795 года // Там же. С. 138.
- 14 Гете – Шиллеру. Веймар, 28 октября 1795 года // Там же. С. 142.
- 15 Вильмонт Ник. Фридрих Шиллер 1759 – 1805 [вступ. ст.] // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. I. С. 55.
- 16 Гинзбург Л. Встречи с Шиллером. С. 390.
- 17 Данилевский Р.Ю. Шиллер и становление русского романтизма. С. 68.
- 18 Из письма В. Штемпеля автору статьи.
- 19 Гинзбург Л. Встречи с Шиллером. С. 388–391.
- 20 Из письма В. Штемпеля автору статьи.
- 21 Люценко Е.П. Раздел земли // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 3, № 9. С. 150.
- 22 Струговщиков А. Раздел // Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей. Лейпциг, 1863. Т. I. С. 461.
- 23 Мы воспользовались определением В.Г. Белинского. Критик высоко оценил переводы Струговщикова «Римских элегий» и «Прометея» И.В. Гете, но сборник «Стихотворения Александра Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера», в который и вошел перевод «Раздела земли» (под названием «Раздел») подверг серьезному и строгому разбору: «Переводы и заимствования из Шиллера показали нам не совсем удачны, отчасти по выполнению, отчасти по выбору. Так, например, пьесы: «Поэзия жизни» <...> «Раздел» <...> выбраны удачно, но в их исполнении мы не узнаем Шиллера: в них мало художественности, и мысль высказывается с какою-то прозаичностью наготовую». См.: Белинский В.Г. Стихотворения Александра Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 278.
- 24 Schiller F. Die Teilung der Erde // Schillers Werke in fünf Bänden. Berlin; Weimar, 1976. Bd. 1. S. 116.

- ²⁵ [Зотов В. Раздел земли] // Пантеон. СПб., 1854. Т. XV. Май. Кн. пятая. Отд. IV. I. Литература. I. Журналистика. С. 10.
- ²⁶ Штемпель В. Раздел земли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2009/03/07/2541> (07.03.2009 12:22; свидетельство о публикации № 1903072541). Загл.с экрана. 28.10.2009.
- ²⁷ [Зотов В. Раздел земли]. С. 9.
- ²⁸ Б.Я. Бухштаб писал: «Описание жизненных ситуаций приобретало статичность картины, человек описывался как статуя». См.: Бухштаб Б.Я. Русская поэзия 1840–1850-х годов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1962. С. 8.
- ²⁹ См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 362, 475.
- ³⁰ Гинзбург Л. Раздел земли // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 202.
- ³¹ Schiller F. An die Freude // Schillers Werke in fünf Bänden. Berlin; Weimar, 1976. Bd. 1. S. 64.
- ³² Schiller F. Die Teilung der Erde. S. 115.
- ³³ Жуковский В.А. К Батюшкову // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. I. С. 99.
- ³⁴ Там же. С. 99.
- ³⁵ Алмазов Б.Н. Раздел земли (Из Шиллера) // Алмазов Б.Н. Сочинения: В 3 т. М., 1892. Т. I. С. 3.
- ³⁶ Schiller F. Die Teilung der Erde. S. 115.
- ³⁷ Порскать – криком натравливать гончих на зверя; охотиться со сворой собак.
- ³⁸ Тимофеев К. Раздел земли. Из Шиллера. СПб., 1875. С. 3.
- ³⁹ Schiller F. Die Teilung der Erde. S. 115.
- ⁴⁰ Там же. С. 115.
- ⁴¹ Люценко Е.П. Послание к другу. По возвращении из деревни // Приятное и полезное препровождение времени. М., 1797. Ч. 13. С. 218.
- ⁴² Выделение автора. – Ю.Т.
- ⁴³ Паикуров А.Н. Поэтика Тишины: сентименталистско-предромантические тенденции в поздней русской оде (Г.Р. Державин и Е.П. Люценко) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksu.ru/f10/publications/2004/articles.php?id=8&num=18000000> (admin Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). Загл. с экрана. (дата обращения: 5.11.2009).
- ⁴⁴ Обращаем внимание, что именно в переводе, а не в послании, в котором мечта, фантазия – устойчивые образы.
- ⁴⁵ См.: Розанов И.Н. Василий Жуковский // Розанов И.Н. Русская лирика. От поэзии безличной – к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. М., 1914. С. 202.
- ⁴⁶ Жуковский В.А. К Батюшкову. С. 99.
- ⁴⁷ Schiller F. Die Teilung der Erde. S. 116.
- ⁴⁸ Ibid. S. 115.
- ⁴⁹ Гинзбург Л. Раздел земли. С. 203.
- ⁵⁰ Из письма В. Штемпеля автору статьи.
- ⁵¹ Данилевский Р.Ю. Шиллер и становление русского романтизма. С. 68.
- ⁵² В. Чешихин выделяет три периода в поэтической деятельности Жуковского как переводчика Шиллера. См.: Чешихин В. Жуковский как переводчик Шиллера: критический этюд. Рига, 1895. С. 3–4.
- ⁵³ Курсив автора – Ю.Т.
- ⁵⁴ Цит. по: Левин Ю.Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния: из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 232.
- ⁵⁵ Росселье Вл. Струговщиков // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Ст. 228; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. XXXI. С. 835.
- ⁵⁶ Цит. по: Белинский В.Г. Стихотворения Александра Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера. С. 277.
- ⁵⁷ Бухштаб Б.Я. Русская поэзия 1840–1850-х годов. С. 8.
- ⁵⁸ Алмазов Б.Н. Раздел земли. С. 4.
- ⁵⁹ Фофанов К. Раздел земли // Шиллер Ф. Собр. соч. в переводе русских писателей. СПб., 1901. Т. I. С. 66.
- ⁶⁰ Там же. С. 60.
- ⁶¹ Гайденов Н.М. К.М. Фофанов // Русские поэты XIX века. М., 1958. С. 834.
- ⁶² Гинзбург Л. Встречи с Шиллером. С. 232.
- ⁶³ Штемпель В. Раздел земли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2009/03/07/2541> (07.03.2009 12:22; свидетельство о публикации № 1903072541). Загл.с экрана. 28.10.2009.
- ⁶⁴ Из письма В. Штемпеля автору статьи.